

Алексей Ласуриа

ЖИТЬ, КАК СОЛНЦЕ!..

Стихи и поэмы

Сухум
Абгосиздат
2017

ББК 84(5Абх) 6-5

Л 26

Составитель
поэт-академик Мушни Ласуриа

Ласуриа, А. Е.

Л 26 Жить, как солнце : стихи, поэмы / Алексей Ласуриа: перевод с абхазского. – Сухум: Абгосиздат, 2017. – 200 с.

В сборник вошли стихи и поэмы известного абхазского поэта Алексея Ласуриа (1927–1959).

© Ласуриа, А. Е., 2017
© Абгосиздат, 2017

Предисловие

Алексей Ласуриа – один из ярчайших представителей абхазской поэзии XX века, признанный мастер поэтического слова. Основной этап его плодотворных художественных исканий относится к пятидесятым годам прошлого столетия. Его перу принадлежат замечательные стихотворения, отличающиеся глубиной лирического самовыражения. Во многом лирика поэта исповедальна и автопсихологична. Тревоги и душевные переживания автора получили в ней высокое образное воплощение.

Наиболее ярко и масштабно его творческие возможности раскрылись в таких поэтических сборниках, как «Голос сердца», «Незабываемое», «Мое добро», «Я и весна» и др. В развитии абхазской эпической поэзии особое место занимают поэмы А. Ласуриа. В них талантливо и самобытно проявилась публицистическая направленность его творчества. А. Ласуриа достаточно успешно внедрял в абхазскую поэзию элементы поэтической техники В. Маяковского. Несмотря на политизированность отдельных произведений поэта, они стали образцами полифоничности и звукового богатства абхазского стиха.

В поэме «Юбилейное» поэт-гражданин впервые в абхазской литературе затрагивает тему трагических последствий сталинского авторитарного режима. И это было в ту пору, когда еще была сильна цензура и всякое вольномыслие жестко пресекалось.

Известный абхазский ученый и литературный критик Владимир Цвинариа отмечал: «Для поэтического стиля А. Ласуриа не столь характерны приглушенные полутона... Он от них все больше переходил к сильным публицистическим интонациям, его больше привлекала сила открыто высказанной мысли, обращенная к широкой аудитории читателей. Стихи Ласуриа – это всегда размышления вслух. Поэтому так часто он пользуется широкими образами – метафорами, словами, характерными для публичной, ораторской речи...»

Широкой популярностью пользуются среди абхазских читателей лиро-эпические поэмы «Рождение», «Первая любовь» и др. В них в абхазской поэзии впервые проявилось субъективно-личностное начало.

На русский язык произведения видного абхазского поэта были переведены в разное время такими мастерами слова, как Евг. Евтушенко, Б. Окуджава, М. Соболев, Я. Козловский, А. Ойслендер, А. Кронгауз, Д. Седых и др.

СТИХИ

ЗДРАВСТВУЙ, АБХАЗИЯ!

Не собирала меня в дорогу
Мать родная весенним днем,
Мой отец не зарыл до срока –
До приезда – кувшин с вином.
Мать меня не благословила,
Отправляя в далекий путь.
На прощанье не слышно было
Слов отеческих: «Умным будь!»
И подруга, что только снилась,
Целовала меня во сне,
На вокзале не появилась,
Не махнула рукою мне.
Для меня на перроне нашем,
Как в душе, пустота, тоска...
Кепки, шляпы, платочки машут;
Мне – ни взгляда и ни платка.
Был в Сухуми вечер прохладный...
Расставаясь тогда с тобой,
На прощанье глотнул я жадно,
О, Абхазия, воздух твой.

Как рулетка – чтоб мерить дали –
Извиваясь, летел состав.
Думы-волны меня качали,
Я измучился, плыть устав.
Убегали отары, села...
Что на свете найдешь родней?
На Сухумской горе – веселый,
За спиною каскад огней...
Нет, в торжественную минуту
Мать не выйдет меня обнять.
С окончанием института
Не поздравят отец и мать.
Вот – к отцам приезжают дети,
Пишут матери сыновьям...
Сиротою на белом свете
В раннем детстве остался я.
Мне отец мой и мать родная –
Та земля, на которой рос.
Горы, горы мои без края,
Вот и встретиться довелось!
Жил в Москве я. Столица с ласкою
Поднимала меня, любя.
Мать родная, земля абхазская,
Сын твой не осрамил тебя!
Ночью с Ленинских гор бывало
Смотришь – и не отводишь глаз:
Как Сухуми, Москва сияла,
Только ярче в тысячи раз.

Заводские гудки в столице
 Возвещали начало дня,
И рождалась, чтоб с ними слиться,
 Песня новая у меня.
Нету счета друзьям хорошим,
 Всюду вместе они со мной.
Где бы ни был я – здравствуй, Леша!
 Каждый дом для меня родной.
В каждом слове я дружбу слышу,
 Одинаково мне близки
И долина реки Дгамыша,
 И долина Москвы-реки.
Я не гостем живу приезжим –
 Стала домом моим Москва.
Я уже не Алешка прежний,
 А солидный семьи глава.
Русой девушкой, лучшей в мире,
 Как любим я! И как влюблен!
Много места у нас в квартире –
 Не квартира, а стадион!
Мне б работать и жить в столице...
 Только там, где родился я,
Ждет – когда же он возвратится? –
 Мать родная, земля моя.
О, Абхазия, край мой горный!
 Я к тебе устремляю шаг.
Не ищу я дороги торной,
 Легкой жизни, готовых благ.

Я люблю сквозь пургу шальную
 (Снег сыпучий в глаза метет),
На замерзшие пальцы дую,
 Пробиваться в снегах вперед.
В стены дома пусть каждый камень
 Будет вложен моим трудом.
Я хочу своими руками
 Жизнь построить, как строят дом.
Край любимый, где вереницей
 Горы встали, там нужен я.
Ты мне счастье дала, столица.
 До свиданья, Москва моя!
Пусть хоть частью оплачен будет
 Долг мой вечный перед тобой
Тем, что жить помогу я людям
 Всеми знаниями, всей судьбой...
Знаю: нету ворот, в которых
 Сына встретят отец и мать,
И невестке подарков ворох
 От свекрови не получать.
Но едва я сомкну ресницы,
 Все мне видится край родной,
И вдыхаю я – так мне снится, –
 О Абхазия, воздух твой.
Снова я на земле родимой –
 Так прими же детей своих.
Одного меня проводила,
 А сегодня встречай двоих!

ТОСТ

Чтоб счастье посетило этот дом,
Мы собрались за праздничным столом.
Пусть не знают тягости разлук
Ни девушка, ни наш веселый друг.
Да будет с парнем счастлива она.
– Эй, девушка! Налей скорей вина.
Давно пора, чтобы оно текло
В сверкающее радугой стекло.

Мы дружно пили за родимый край,
За новых лоз богатый урожай,
По очереди выпили потом
За нас,
За всех сидящих за столом.
Но разве позабудутся дела
Создателя звенящего стекла?
Его нам тостом обнести нельзя.
Так выпьем же за мастера, друзья!

Ведь это вовсе не его вина,
Что нынче с нами он не пьет вина,

Желанным гостем он стучится в дом –
Он в торжестве участвует трудом.
Вы слышите бокалов тонкий звон?
В кругу гостей присутствует и он.
– Эй, девушка!
Налей-ка нам полней,
Мы мастеру желаем светлых дней! –
Как льется широко у нас вино,
Как искрится и пенится оно,
Пусть так и труд сидящих за столом
Сольется с общим родины трудом.
Пусть наша радость множится в труде:
В цехах, в полях и на море – везде.
Всем мастерам великого труда
Счастливой жизни долгие года!

ДОЧЬ ГОР

Светлый камень Москвы замерцал, заиграл.
Прохожу я с друзьями вечерней Москвой.
Электрических солнц надо мною накал.
Сердце хочет подняться в зенит золотой.

Я абхазец-москвич, о Москве я пою.
Счастье в сердце моем – я в столице родной.
Понимаете вы эту радость мою:
Не картина Москвы, а Москва предо мной!

1

Я в Москве не один. Я – республики сын.
Вот друзья. Узнаю я друзей по глазам.
Вот мой русский собрат, вот товарищ грузин,
Вот узбечка-сестра улыбнулась друзьям

Вот услышал я легкие чьи-то шаги.
Кто-то имя мое произнес не спеша.
Дуновение будто прошло у щеки,
Встрепенулась предчувствием счастья душа.

Обернулся, смотрю: соплеменница гор.
До колен достают две тяжелых косы.
Словно в сказке абхазской, горит ее взор,
Не могу оторваться от этой красоты!

Познакомил с друзьями землячку свою.
И хотел лишь спросить я ее: «Как дела?
Что там нового слышно в абхазском краю
С той поры, как судьба в институт привела?»

Где в Абхазии строят заводы сейчас?
И в колхозах каких замечателен чай?
И какая культура еще привилась?
И лимонов хорош ли у нас урожай?»

Но, привычным движеньем поправив часы,
Торопливой рукою послала привет.
И упали на грудь две тяжелых косы...
– Я спешу, – говорит, – на Верховный Совет!

Посмотрел ей вослед и подумал тогда:
«Не виденье она, не туманная марь.
Уплывают года, как в Кодоре»* вода...
А давно ли с Назырой учил я букварь!

* Кодор – крупнейшая река Абхазии.

День настал – мы ступили за школьный порог.
Как широк, и огромен, и радостен свет!
Кто Назыра теперь? Молодой педагог!
А Ласуриа кто? Молодежный поэт!

У Назыры со мною дорога одна:
Оба трудимся мы на Отчизну свою –
Отдает мудрость знания детям она,
Я им песни мечтаний своих отдаю...»

2

Педагогу Назыре хвала и почет.
Говорю о Назыре без всяких прикрас –
Уважает и любит Назыру народ.
Кто, скажите, Назыру не знает у нас?..

Вся Абхазия ей голоса отдала.
«Славной дочерью гор» мы Назыру зовем.
Хоть не просто решать государства дела, –
Ей в Кремле хорошо, словно в доме своем!

Над трибуною люстра, как солнце, горит,
И Назыра проходит в свеченье огня.
Делегатка Абхазии речь говорит:
– Ты услышишь, подруга, в Нью-Йорке меня!

ПОД МОСКВОЙ

С москвичкой иду,
 где речушки блеск
Средь сосенок и берез.
Вижу вокруг
 подмосковный лес,
Слышу ее вопрос.
Глядит, улыбаясь:
 – Лесок хорош?
А я говорю в ответ:
– Хорош-то хорош,
 но, признаться, все ж
Сравнения с морем нет! –
Мы сели
 на самый большой из пней
Меж зонтиками грибов.
Но море шумело
 в душе моей,
Стучался,
 гремел прибой.
Травинки зеленые,
 как вода,
Плескались у башмаков.

А мысли летели
туда, туда,
Где пена у берегов;
Где, может,
в такой же, как я, тоске
На солнечном берегу
Другая девушка
на песке
Доверилась ветерку.
Москвичка заметила –
я грущу,
Припомнив далекий дом.
Легонько хлопнула по плечу:
– Грустишь?
По домам пойдем... –
Я дома
повсюду в моей стране.
Но что же плохого в том,
Что кажется лучше всех прочих мне
Не прочий,
а отчий дом?
Москвичка,
я тебе не солгу,
Не обману тебя:
– Я землю твою
любить могу,
Лишь землю свою
любя.

ЧЕМ ХОРОШ МОЙ КРАЙ

Как будто я
 Абхазию не знаю,
Мне говорят приезжие о ней:
Нет нигде теплее края,
Нет нигде воды синей.
Мне о Гагре и Сухуми
Два часа твердил один,
А другой
 в прибоя шуме
Мелодичность находил.
Третий
 видом насладиться
Восходил на горный склон.
Тайной гор –
 холодной Рицей
Был четвертый восхищен.
Ну, а пятый – в самом деле
Гимны пел на все лады
Черноглазой «изабелле»,
Что опутала сады.

А шестая
в томной позе
Воскликнула:
 – Красота! –
Отдавая дань мимозе,
Что изменчиво желта.
А седьмой
 пел с интересом
Про вино (немного пьян),
А восьмой твердил –
 профессор –
Про сухумских обезьян.
А девятый...
 Впрочем, ясен
Без девятого вопрос.
И с каждым я
 по-своему согласен,
Я тоже вижу,
 как мой край прекрасен,
Где я родился,
 где я рос.
Но говорю приезжому, как брату:
– Не розами,
 мимозами, пойми,
Богат мой край,
 чем все края богаты, –
Людьми.

И на девушек заглядывался
тоже.
Ни одна теперь
не нравится ему».
Удивляются ребята:
«Что с Алешей?
Отчего он изменился,
почему?»
Веселились мы нередко
вечерами,
Погулять любили мы
под выходной.
Но с работы
не иду теперь
с друзьями.
Я и сам не понимаю –
что со мной?
Я ничуть не изменился,
твердо знаю,
Не ханжа я,
не зазнался
и не скуп.
Только
тостов
я давно не поднимаю
И давненько
не касалась
рюмка губ.

Сын ли, дочка?..
Мы не знаем,
не гадаем –
Потому что мы
обидеть не хотим,
Коль родится вдруг
кого не ожидаем, –
И до времени
мечты свои
таим.
В «Детском мире»
оба делаем покупки,
Видно, подвижны
надеждой не одной:
Для «нее» ты
выбираешь в день по кукле,
Для «него» я
«ЗИМ» наметил заводной.
Я в бессоннице,
в тревогах
и заботах.
Кто-то шепчет:
– На Алеше нет лица... –
Но работаю,
как прежде не работал,
Чтоб ребенку
захотелось
быть в отца.

А я
и родился-то
не в роддоме.
Вилась тропинка горная,
крута,
Я ничего не мог увидеть,
кроме
Густых небес
и снежного хребта.
Я родился
в абхазской ветхой пахце
Под шум потоков
и обвалов гром,
Под звуки
с детства милой апхиарцы
Когда курился дым
над очагом.
Не на четвертом этаже
в палате –
Я родился
под кровлей голубой.
И не склонялся
добрый врач в халате
Над матерью моей,
как над тобой.
Но боль она
не выдавала стоном,

Ждала,
 сомкнув уста
 что было сил.
И выстрелом,
 тогда традиционным,
Отец о сыне
 горы известил.
Пожертвовал отец
 козой последней –
Таков обычай,
 чтоб округа вся
Увидела,
 что родился наследник,
Что в доме горца
 горец родился...
Но почему
 воспоминаний следом
В приемной белой
 я пошел в тот час?
Я сына ждал,
 не признаваясь в этом, –
Есть от отцов
 еще не мало в нас!..
Вдруг слышу голос.
 Вскакиваю с силой.
К окошечку бегу.
 И в том окне

Мне кажется сестра
 такой красивой,
Как наши сестры
 в горной стороне.
И я смеюсь.
 Она смеется тоже:
– Дочь.
 Три кило.
 Полметра с лишним рост. –
Я спрашиваю:
 – На меня похожа?
– Ну копия отец,
 что за вопрос!..
Я по Москве пошел
 походкой крепкой,
Чтоб всем поведать
 радости свор,
И мне казалось:
 под мою кепкой
О счастье
 распевают соловьи.
Я зашагал по улицам знакомым,
Открыт
 любому встречному лучу.
Спасибо же
 «Четвертому роддому»,

И няням,
 и сестре,
 и главврачу.
Но трижды я
 «спасибо» повторяю
И голову склоняю
 перед ней,
Пред той,
 что мир
 от края и до края
Открыть сумела
 дочери моей.
А я иду
 и улыбаюсь людям,
И наши взгляды
 больше, чем слова.
Воспитывать мы дочку
 вместе будем:
Она и я,
 Отчизна и Москва!

3. Как назвать?

Все сомненья теперь
 начинаются только.
День четвертый,
 а имени дочери нет.

Как назвать? –
И имен подбирается столько.
Созывается
срочный семейный совет.
Председателем – дед,
горячо обсужденье,
Прадед тоже участвует
в преньях сторон.
И под вечер
готов к твоему утвержденью
Список лучших –
абхазских и русских – имен.
Есть в нем
Гунда,
Варвара,
Назыра,
Елена.
Этот список
тебе мы спешим передать.
Отвечаешь ты
коротко и откровенно:
– Отклоняю! –
Мать.
Поясняешь:
– Варвара –
есть злая сестрица,
Есть Назыра –
скупой прослыла средь подруг,

Назовем ее «Кама».

Прислушайся.

Худо ль?

Мы родное свое

в этом слове найдем.

Для того я назвал

это имя сегодня,

Чтоб судьба нашей дочки,

пряма и светла,

Словно русская Кама,

была полноводна,

Как абхазская Кама,

была весела.

ПАРАД МИРА

Река людская –
 где твое начало? –
В твоих волнах я каплей быть люблю.
Вот мимо Белорусского вокзала
Ты вновь течешь к московскому Кремлю.

Спешит к тебе ручьями пополненье,
И родником мне кажется метро.
Вокруг весна.

 Любви сердцебиенье.
И музыки литое серебро.

Вокруг звучат ликующие песни
Моих навек прославленных друзей.
И кажется, что Горький с нами вместе
Идет сейчас по улице своей.

И май шумит листвою тополиной,
И солнце на посту с рассвета дня.
Мой однокурсник – парень из Пекина –
Равняется в шеренге на меня.

И юный друг, приехавший из Праги,
Со мною в ногу радостно идет.
Горят огнем распахнутые стяги,
И голубой распахнут небосвод.

У стен Кремля сливаются колонны.
Людское море.

Площадь площадей.

Идет Москва.

Идут ее районы,
Равнение держа на Мавзолей.

К ЛЮБИМОЙ

Платье узковато, не по росту,
Ленточка в косичку вплетена...
Два беспечных школьника-подростка
Во дворе играли до темна.
Выросли, расстались...
Ты в Тбилиси,
Я в Москве живу не первый год.
Наши силы, знания наши, мысли
Родиною взяты на учет.
Милая!
Ты помнишь, как весной
Мы в седьмой переходили класс?
Вот с тех пор ты и любима мною,
И одна судьба с тех пор у нас.
Милая!
Когда любовным взглядом
На черешни глаз твоих гляжу
И, шагая в будущее рядом,
Руку полудетскую держу,
Нужных слов найти я не умею...
Одного скрывать не стану я:

Что ни час, люблю тебя сильнее,
Девочка хорошая моя!
Ну, а завтра?
Я в любви, родная,
Подымаюсь выше что ни шаг.,
Как бывает у других – не знаю,
Я любить умею только так!
Милая!
Люблю тебя все крепче,
Не затем, что всех красивей ты...
Если хочешь, я тебе отвечу:
Не ищу я внешней красоты...
Милая!
У нас родятся дети,
Может быть, поблекнешь ты слегка,
Цвет лица не так уж будет светел,
Талия не так уже тонка...
Ну и что же!
Не красней, родная,
Ты теперь ведь навсегда со мной,
Я тебя невестой называю,
Завтра станешь ты моей женой!
Может быть, у маленького сына
Будут материнские черты...
Быть всегда с тобой, моя любимая, –
Как хочу я этого!
А ты?

ПОЭТ И ЧИТАТЕЛЬ

Солнце укатилось
 за хребет горы,
Сдав дела дневные
 до поры.
Двое повстречались
 около реки,
Может, братья,
 может, земляки.
Повстречались двое
 у кавказских скал.
– О, привет, писатель!
 Видно, ты устал.
Пот стекает струйкой
 с черного виска
Наподобье
 горного
 ручейка.
– Я,
 читатель,
 очень утомился,
 да!

Видишь, склон отвесный?
Лазил я туда.
Видишь,
вниз летит
стеклянный водопад?
Грудь подставить брызгам
был я рад.
Видишь,
корка льда на камне,
как слюда?
Пушкин там бродил.
Взобрался я туда!
Видишь,
горной речки пенится вода?
Пел там Хетагуров.
Я спешил туда!
Вот как много дела
было у меня,
Только жаль,
что не хватило дня...
– Но скажи, писатель:
чей искал ты след?
Кто же ты —
охотник иль поэт?
– Друг читатель,
верно понял ты меня,
Ведь поэт
охотнику родня.

Я иду по следу
 тем,
 сравнений,
 слов;
Не всегда удачен мой улов...
– Да, иной охотник
 меток не совсем,
Ведь немало знаем
 мы плохих поэм, –
Произнес читатель,
 но ему в ответ,
Будто бы не слыша,
 продолжал поэт:
– Горы мне
 особенно сродни,
Как большие чувства,
 высоки они.
Громки водопады,
 ручейки тихи.
О горах пишу
 высокие стихи
– Но, писатель-друг,
 понять я не могу:
Коль стоишь у моря ты на берегу
И о нем напишешь –
 может быть, тогда
Обнаружится в стихах твоих
 вода?

– Нет, –
 сказал писатель, –
 в них наверняка
Мысль, как море, будет
 глубока.
– Что ж, прощай, товарищ,
 хороша гора,
Но в ночную смену
 мне пора.
Видишь,
 там, в долине,
 где река и лес,
Мы достраиваем
 зданье ГЭС?
Все же к нам почаще
 ты спускайся вниз,
Песни настоящей
 там достойна жизнь.
Там кипит работа,
 гул стоит стальной.
Ну, а на охоту
 можно в выходной.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Особенно люблю
 Сухуми в мае,
Когда цветет
 земля моя.
И в этот день
 к себе я приглашаю
Всех вас,
 мои друзья.
В Сухуми все
 мне с юности знакомо,
Его могу я
 показать друзьям.
Пред вами
 растворяю
 двери дома
И сердце тоже
 открываю вам.
Где б ни был я –
 в Москве или Тбилиси,

В садах,
 в домах,
 в кварталах городских, –
Везде черты похожие
 нашлись,
 и
Родной Сухуми
 узнавал я
 в них.

Его
 любимой книжкой
 раскрываю,
Всегда хорош,
 всегда он дорог мне,
Всегда красив
 Сухуми наш,
 а в мае

Он кажется
 прекраснее вдвойне.

Магнолии
 свисающая ветка
В струящееся зеркало глядит,
Вот полюбуйтесь,
 где течет Беслетка,
По берегам
 шлифованный гранит.

Здесь прошлым летом
я сидел влюбленный,
Глядел на камни
и стихи писал,
Отсюда в гору
лесопарк зеленый,
Рожденный нами,
весело взбежал.
Поднимемся и мы с тобой
повыше,
С горы Сухумской
город оглядим.
Под нами,
обволакивая крыши,
Над пристанью
всплывает
белый дым.
На площади
в колоннах
горожане,
Огонь знамен
над сотнями голов,
Не верится,
что там,
в пыли,
в бурьяне,

Ловили в детстве
мы
перепелов.
В веселых звуках
музыки весенней
Народ-строитель
и народ-творец
Для нас
и для грядущих поколений
Над площадью воздвиг
не дом – дворец.
Ответит он,
что мы стремимся к миру,
Хоть обратись
к любому этажу.
Я в этом доме
получу квартиру
И вас
к себе
на праздник приглашу.
Вон ветер
пальмы рвет береговые.
А вдалеке,
не кланяясь волнам,
Заходит
в порт
электроход «Россия».

А ну,
друзья,
не покатайся ль нам?
Хоть все дороги
нам сейчас открыты,
Мы самый мудрый избираем
путь.
Не поезд,
не корабль...
Ведь мы – джигиты,
Мы оседлаем солнце
Как-нибудь.
На рыжую его
взберемся спину,
Лучом его стегнем мы,
как кнутом.
Сначала поспешим
на Украину,
В Алтая степи
завернем потом.
Но рысаку такому
кнут не нужен,
И, рассекая грудью
синеву,
Над землями целинными
покружим

И вовремя
 поспеем мы
 в Москву.
Днем праздничным
 и небосвод ей тесен,
И выше он
 над звездами Кремля,
И ярче май,
 и громче звуки песен,
Вокруг Москвы
 вращается земля.
Увидим
 полыхающее знамя,
Цветы везде,
 как тысячи огней,
И площадь
 к нам потянется руками,
Ладонями бесчисленных друзей.
Как солнце далеко б
 ни посылало
Весенний луч –
 веселого гонца, –
Он не найдет
 колонны той начало,
И не отыщет он
 ее конца.

Но если мы
 свой взгляд
 на землю кинем,
Откроется
 колонны разворот:
Увидим левый фланг ее
 в Пекине,
А правый
 Красной площадью
 идет.
Шагает строем
 многомиллионным,
Идет у всей вселенной
 на виду.
Над нею небо
 все в шелку знаменном,
Земля под ней
 раскинулась в цвету.

К СЕСТРЕ

Далекая Ярнка,
 родная сестра!
Письмо от тебя
 получил я вчера.
Читал, перечитывал
 несколько раз,
И все не свожу с него
 любящих глаз.
Ты пишешь мне, милая:
 «Братик ты мой!
Что кушаешь ты?
 Кто следит за тобой?
Ты с детства
 в Абхазии солнечной рос...
И как переносишь ты
 русский мороз?
В метели,
 когда там не видно ни зги,
Ты дома сиди хоть,
 себя береги...

Наверно, забыл,
 как тебя я люблю?
На днях тебе
 теплые вещи пришлю,
Сама я вяжу их,
 ночами не сплю...»
Далекая Ярна,
 родная сестра!
Письмо от тебя
 получил я вчера.
Ну что мне ответить?
 Ты знаешь сама,
Что, верно, сурова
 в России зима.
Вода во дворе
 превратилась в лед,
И ветер ветвями
 по форточке бьет;
Чуть высунешь руку –
 отдернешь ладонь...
Снежинки и те
 все летят на огонь.
За окнами сосны
 шумят и скрипят.
Но ты не волнуйся:
 я счастлив и рад,

Я среди русских,
я равный им брат.
И пусть месяцами
нет теплого дня —
Родные сердца
согревают меня.

ЭВКАЛИПТ

Я помню
горячее солнце
весеннее,
Те толпы
веселых людей,
ту жару.
Мой город!
Он весь
как один
в воскресение
Поднялся
деревья сажать поутру.
Я помню,
как,
листья вниманием радуя,
Лучи
облаков пробивали края,
Как встретились мы
и как в нашу бригаду
Тебя записал,
дорогая моя...

Казалось,
одни мы торопимся
за город.
Шутили товарищи,
глядя на нас.
Все дальше,
все выше
взбирались мы на гору;
Ты пела,
а я не сводил с тебя глаз.
Мы вышли
кипучими силами мериться,
В работе
свое
мы открыли родство.
Ты помнишь
то робкое
первое деревце –
Мы «нашей любовью»
назвали его.
Потом приходили
туда
в воскресение,
(О, если б
неделя имела
их семь!)

Бродить
и мечтать
под ветвями весенними
С утра
и по самую
темную темь.
Там роща качала
зелеными крыльями,
Хотела взлететь
выше горных вершин.
И тот эвкалипт,
что с тобой посадили мы,
Уже выше нас был
тогда на аршин.
Потом я уехал,
и слухи настойчиво
Твердили о том,
что неожиданный мороз
Немало убил
неморозоустойчивых,
Особенно тех,
кто в забвении рос.
Но «наша любовь»...
Я спокоен, любимая.
Но «наша любовь»...
Я зову ее в стих.

Согрета сердцами
твоим
и моим она,
Навек спасена
среди тысяч
других.
Она с остальными стоит
рука об руку,
Ее прямота
нашим душам под стать.
Она поднялась
всеми ветками
к облаку
И тянется –
хочет
до солнца достать.

О САМОМ НЕОБХОДИМОМ

Было так:

Сел я вечером
стихи писать

О завтрашнем дне человечества.

Сижую.

Думаю –

С чего начать?

Слова разбежались.

Мысли мечутся.

Несмело луна заглянула в окно,

Словно пришла

ко мне на свидание

И, увидев, что жду ее давно,

Извиняется за опоздание.

Я сказал ей:

– Чем можешь ты мне помочь?

В тебе поэзии больше нету.

Ты в небесах,

а я на земле.

Нам с тобой, дорогая, не по пути.

Ты видишь –
 наш шар земной
Великолепная штука,
Только надо нам
 покончить с войной,
И это будет
 однажды
 весной,
В этом мужество наше порукой.
Но для того, чтобы побеждать,
Надо бороться,
 пока ты в силе.
Мне вот надо
 такие стихи писать,
Чтоб в цель
 без промаха
 били.
Как научиться?
Кто даст совет –
Где взять такое уменье?
Закрываю окно.
Зажигаю свет.
Достаю с книжной полки
 том Ленина.
В эту ночь
 до утра меня учил
Мудрейший из учителей.

Нельзя...
А из сердца
 рвутся слова,
И трудно бороться
 с волнением.
Мне хочется крикнуть:
«Спасибо вам,
 товарищ Ленин!
Спасибо,
Спасибо за то,
 что мне помогли, –
Сегодня,
 беседуя с вами,
Я понял,
 как надо за счастье земли
Бороться
 простыми стихами».
Я вышел на площадь,
 где в тишине
Стоят
 серебристые ели.
Казалось –
 люди кивали мне
И птицы
 о радостном пели.
Со мной разговаривали дома,
Что вчера еще
 были немые.

А там,
 у вокзала,
 встречает меня
Алексей Максимович Горький.
Вот я и дома.
Беру тетрадь.
Скорее
 писать,
 писать,
 писать...
Друзья мои!
Чтоб в стихе
 глубокая мысль легла,
Чтоб за словами
 стояли дела,
Чтоб сделать
 счастливой жизнь,
Чтоб покончить с бедой
 и с войной
 навсегда, –
Как воздух для жизни,
Как хлеб
 и вода,
Необходим
 ленинизм!

1952

НОВОГОДНИЙ СТОЛ

Сидим у товарища Иванова,
В его квартире – светлой и новой.
На двенадцатом этаже
 мы ближе к звездам.
В окно бьет ветер
 декабрьский, морозный,
А мы готовимся,
 ждем прихода
Дорогого гостя –
 Нового года.
Обычная студенческая складчина,
Как полагается под Новый год.
Польский «бигос»
 готовит Янина,
Болгарка Блага
 «баницу» печет.
Ждем, когда время объявит диктор,
Не доверяем своим часам.
Наш новый друг,
 Ворошильский Виктор,

По-польски
стихи читает нам.
Хотя мы по-польски не понимаем,
Зато понимаем дружбы язык.
Девушки готовят,
мы помогаем;
Мне, кавказцу,
поручен шашлык.
Ирина режет пирог новогодний.
Каждый дело себе нашел.
Так весело
мы накрываем сегодня
Дружный
интернациональный стол.
На улице ночь давно опустилась,
В окна
сердито стучит мороз,
А в комнате жарко,
как будто ввалилось
Сухумское лето с букетом роз.
И, опираясь о подоконник,
Стоит,
не поднимая глаз,
Молодая немка
Ильза Кениг,
Как будто неловко ей
среди нас.

За окном
 веет снегом колючим ветер.
Вот так же,
 как этот снег сейчас,
Знаешь ли, Ильза,
 в сорок третьем
Падали слезы из многих глаз.
Тогда я узнал
О гибели брата...
В этот день
 ушел на фронт
 твой брат.
Но знаю:
 ты, Ильза,
 не виновата,
Об этом
 глаза твои говорят.
Я знаю:
 когда он шел на рассвете,
Ухватилась ты
 за его шинель...
И вот сейчас
 ты вспомнила это,
И в сердце твоём
 метет метель.
Ты кричала отцу:
 «Верни его, папа!

Хотят убийцей сделать его!»
А через день
 пришли из гестапо
Взять коммуниста –
 отца твоего...
Я знаю:
 ты, Ильза, не виновата.
Так давай
 поговорим с тобой по душам.
У меня есть племянник –
 сынишка брата,
У тебя
 сестренка осталась там.
Ильза,
 мы с тобой уж не дети.
Главная из всех забот других –
Забота о них:
 ведь мы в ответе
За их судьбу
 и за счастье их.
Так выпьем за счастье!
 Грустить не нужно:
Новый год
 вступает в права.
И снег сверкает
 пылью жемчужной.
Ты видишь?
 Это наша Москва!

Ты этот день хорошенько запомни,
Пусть улыбка сегодня
 не сходит с лица.

Здесь,
 в русском городе,
 в русском доме,

Нас греют
 русские сердца!

Мы с тобою
 брат и сестра отныне,

Сроднил нас дружбы огонь живой.

Виктор будет в Варшаве,
 Блага – в Софии,

Я буду в Сухуми,
 а ты – в Берлине,

Но сердцем
 мы будем всегда с Москвой!

Я ЛЮБЛЮ АПСНЫ*

Все в тебя влюбляются,
 Абхазия,
Побывав на нашем берегу.
Но к соперникам бессчетным разве я
Ревновать
 страну мою
 могу!

К тем,
 что в синеву твою бросаются,

К тем,
 что на песке твоём лежат,

К той
 с косой янтарною
 красавице,

К малышу,
 который солнцу рад.

Каждый год,
 едва весна забрезжила,

* Апсны (абх.) – Абхазия.

Гости тут
со всех концов страны.
Влюблены
в Абхазию
приезжие,
Но люблю я иначе
Апсны.
Партия курортников намерена
Отдыхать
двадцать четыре дня,
Но чтоб мне
налюбоваться берегом –
Целой жизни
мало для меня.
Отдых здесь.
Приволье беззаботное.
Можно бронзоветь
и созерцать.
Но на этой я земле
работаю,
И она ко мне строга,
как мать.
Проверить меня
взяла за правило:
– Как, наследник,
трудишься? С душой?
Как твоя работа
нас прославила

Средь республик родины большой? –
И пою,
 нарушив все традиции,
Не о солнца блестках на плече,
А об угле
 и о черепице я,
Об известке
 и о кирпиче.
Пальмы я люблю,
 речушку быструю,
Море,
 горы,
 землю, где живу,
Так, как сибиряк
 тайгу сибирскую,
Так же,
 как москвич
 свою Москву.

ОТКРЫТ НОВЫЙ СВЕТ ХРИСТОФОР ОМ КОЛУМБОМ

Какое б ни грянуло горе,
Какая б ни вышла беда,
Горы твои не согнутся
и море
Не высохнет никогда.
Давно убеляют седины
Высокие эти хребты,
Но тянутся к небу и солнцу
вершины,
И к юности – ты.
Не знаю садов твоих краше,
Речушек, от пены седых.
И ты неизменно
ровесница наша,
Сверстница молодых.
Ты вынесла столько горя,
Изведала столько бед,
Не раз чужеземцы
топтали предгорья,

На пашнях – их след.
Князья твой лес вывозили,
Купцы увозили твой мед.
И голод сгибал,
 и болезни косили
Твой нищий народ.
Но солнце восходило с востока,
Закат был на западе ал,
На севере горы вставляли
 высоко,
На юге прибой рокотал.
Крестьянин,
 сохой ковыряя
Иссохшую землю,
 без сил
Вдоль пашни шагая
 от края до края,
Ненависть накопил.
А за полночь —
 в горы
 с друзьями;
Лишь месяц над ними сурьгой...
Слова обжигали
 сердца их,
 как пламя,

Когда говорил Серго.
Тогда расступилась впервые
Над нищей Абхазией мгла,
И армия Ленина к нам
из России

На помощь пришла.
За счастье народа боролась,
Боролась за нашу страну.
С крутых берегов
меньшевицкую сволочь

Пустила ко дну.
...Проносится ветер по клумбам.
Подернута даль серебром.
Открыт Новый свет
Христофором Колумбом.

Абхазия — Октябрем.
О родина наша седая,
Ты стала
навек молодой,
И озарена ты
от края до края
Кремлевской звездой.

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Никогда не забуду,
 как в детстве
Через темную чащу бежал,
Как бурлила река по соседству,
Утлый мост в отраженьи дрожал.
И когда я,
 окончив учење,
По корягам летел второпях,
В темноте
 неизменную тенью
По пятам моим
 следовал страх.
Но промчались года надо мною,
И немало воды утекло.
Слишком ранней
 блестя сединою,
Я приехал в родное село.
Брата сын,
 мальчуган голоногий,
Вечерами
 в родной стороне

Возвращается той же дорогой,
Что известна
 до веточки
 мне.
– Ты, племянник, герой настоящий!
Страшен в детстве
 мне был
 этот путь.
Ты ж из школы
 шагаешь сквозь чашу
И, гляжу,
 не боишься ничуть.
Отчего же племянник смеется?
– Ты
 боялся ходить через лес?
Но ведь там
 даже в сумерки
 солнце,
Мост красивый
 и новая ГЭС.
– В самом деле,
 окрестным селеньям
Путь указывая рукой,
У плотины
 встал бронзовый Ленин
Над кипящею горной рекой.
Заблестела огней позолота,

Отражаясь
 в волнах-зеркалаx.
Он зажeг этот свет для народа,
Чтобы люди
 не жили впотьмах.
Свет сияет
 от берега моря
До макушки Ерцаху-горы.
Льется свет
 от долин и предгорий
До вершин,
 где гнездятся орлы.
И от южных веселых кварталов,
Черепицы
 и белых колонн
До опасных
 крутых перевалов
Светом ленинским
 мир озарен.
Он все выше и ярче струится,
С вековой
 справляется
 тьмой...
Мой племянник теперь не боится
Через лес
 возвращаться домой.

Пробегает
 крепьш голоногий,
И сверкает в зрачках торжество:
Каждый вечер
Ильич
 на дороге
После школы
 встречает его.

МЕЛЬНИК

Не по душе
 судьба бездельника,
Не хочет мельник
 на покой,
Хотя давно уже
 у мельника
Виски побелены мукой.
И подчеркнула пылью
 мельница
Морщинки мелкие у глаз,
Но ничего
 ему
 не делается,
В нем пламень горский
 не погас!
Он ногу потерял
 в гражданскую,
Когда народ был
 бос и гол.
Ходил тропой партизанскою –

Не только
 он зерно молот.
Сюда крестьяне
 в ночь безлунную
Сходились
 горною тропой,
И неплохой служил трибуною
Мешок,
 наполненный мукой.
Запорошит
 муки метелица
Борцов
 преследуемых
 след,
Что волокли
 мешки на мельницу,
А уносили
 правды свет.
С тех пор
 немало перемолото
На старой мельнице
 зерна.
И мельник
 выглядел бы молодо,
Да вот
 подводит седина.
И вечером
 закроет мельницу,

У входа сядет,
 как привык.
Воспоминаниями делится
С друзьями юными
 старик.
Рассказывает:
 – Неприятеля
Рубил я шашкой на скаку.
Но в мире
 лучшее занятие –
На мельнице
 молоть муку.
Чтобы, размахивая крыльями,
Дул ветерок –
 союзник наш,
Чтоб вырастали дети
 сильными,
Чтоб матери
 пекли лаваш...
Работа –
 счастье небывалое,
И этим счастьем
 завладей,
Чтоб стало дело
 даже малое
Великим делом
 для людей!

* * *

Я радуюсь
 всем радостям народа:
Тебе,
 преображенная земля,
Вам,
 среди нив растущие
 заводы,
Вам,
 как цеха, шумящие
 поля.
Жужжанию турбины
 над волнами,
Каналам новым,
 новым городам —
Всему, всему,
 воздвигнутому нами,
Я радуюсь,
 как собственным трудам!

СЕРДЦЕ ДРУГА

Там,
 где ущелья чаша
 глубока,
Горянка
 гордая
 бурлива,
Бросается
 отважная река
С крутого
 горного
 обрыва.
И спутник мой
 восторженно вскричал,
За камень удержавшись еле:
– Ну что на свете
 глубже я встречал,
Чем это
 горное ущелье!
 как шапка сванская,
Луна,
 кругла,

И холодна,
 как диск железный.
Гляжу я вниз...
И все густеет мгла.
Дыханье
 затаила
 бездна.
Мой спутник
 вглядывается во тьму.
Ущелье глубоко.
Но все же
Есть тропка,
 неизвестная ему, –
По ней
 на дно
 спуститься можем.
Нагроможденье древнее во мгле
Могуче.
 Только в самом деле
Не знает он –
 что глубже на земле,
Чем это
 горное ущелье?
Не знает он,
 как на багряном льду
Я умирал.
 Спускался вечер.

Вдруг чувствую,
 в беспамятстве,
 в бреду,
Что кто-то
 взял меня на плечи.
Немели губы.
Сердца стук редел.
Бинты разматывались,
 рдея.
Слабели руки.
Весь я холодел,
Не чувствуя,
 что холодею.
– Потеря крови, –
 говорил хирург. –
Ведь на снегу лежал-то сколько!
– Мою возьмите кровь! –
 воскликнул вдруг
Товарищ
 на соседней койке...
Коснулся спутник
 моего плеча, –
Он потрясен
 на самом деле,
Не знает он,
 что глубже и сильнее,
Чем это
 горное ущелье.

Глядит он вниз,
 мой спутник молодой,
Но – седина тому порука:
И он узнает,
 встретившись с бедой,
Что глубже...
 глубже сердце друга!

АПХИАРЦА

Ты утешительницею слыла,
Людям вселяла надежды в сердца,
Ты и спасительницею была,
Скрипка абхазская – апхиарца.

Рядом с тобой, забывая печаль,
В горном безмолвье пастух не скучал;
Слушая звуки, летевшие вдаль,
Раненый муки свои облегчал.

Голос бодрящий певуч и могуч,
Он согревал у воителя дух.
Точно кипящий струящийся ключ,
Он услаждал победителя слух.

Струны настроил столетний старик,
Звонко, как юноша, песню запел.
Раньше он плакать на струнах привык,
Вместе с народом страдал и скорбел.

Нынче мелодиям счастья звенеть.
Радуют светлые песни сердца.
Сладостно партии славу воспеть,
Благословенная апхиарца!

* * *

Я родился в горах абхазских,
Где смотрят кручи свысока,
Где кружит пену в шумной пляске
Кодори – горная река.

Во сне я видел над столицей
Кремля горящую звезду...
И вот иду... И мне не снится...
По улицам Москвы иду.

Гляжу на все хозяйским глазом.
Ведь здесь я не прохожий... свой!
И пусть я не был здесь ни разу,
Я встречен матерью Москвой!

Я вижу площадь, Кремль – поодаль.
Об этом я мечтал давно.
Здесь счастье моего народа,
Мое здесь счастье рождено.

Еще лежал я в колыбели,
Но с самых первых, детских дней
Здесь путь наметить мой сумели,
Заботясь о судьбе моей.

* * *

Люблю, когда солнце, взойдя из-за гор,
Все ярче и ярче над миром горит,
А после, пройдя весь небесный простор,
Уходит к закату, минуя зенит.

Люблю, когда, выбежав вдруг на крыльцо,
Трехкратный салют производит отец.
И счастьем отцовства сияет лицо –
К рассвету родился сынок, наконец!

Люблю, когда в доме звенит детский смех, –
Знать, светлое счастье с собой он принес!
А мать молодая заплачет при всех,
Ничуть не стыдясь этих радостных слез.

Но в мире прекраснее нет ничего,
Коль к юноше зрелость мужская придет, –
Он станет мужчиной и больше всего
Полюбит отчизну свою и народ!

* * *

Я весной охвачен,
Май в моей груди,
Радостью горячей
Кровь моя гудит.

Я, как лес, как травы,
Крепко в землю врос.
Я листва дубравы,
Зелень ее кос.

Я в горах со звоном
Выбьюсь, как родник,
Чтоб к воде студеной
Жаждающий приник.

И живой водицей
Моюсь я с зарей.
Та вода хранится
Под травой степной.

Парня за работой
Ветром остужу
И соленым потом
В землю ухожу.

Так я век от века
И живу, упряма.
Все для человека,
Что смогу, отдам.

* * *

Если снег идет сплошной лавиной
И метелью все замечено –
Я люблю, усевшись у камина,
Слушать вьюгу и смотреть в окно.

А метель зовет меня седая
В небо взмыть стремительным орлом,
Чтобы, песню звонко запевая,
Встречный ветер разрубать крылом.

Я бегу во двор... Уже темнеет.
Снег идет стеной... Веселье, крик...
Кто сейчас догнать меня сумеет,
Снег забросить мне за воротник?

Я люблю, когда, расправив крылья,
Молодость сквозь вьюгу ищет путь.
Ветер, напрягаясь от усилия,
Бьет не в спину мне, а прямо в грудь.

Вьюга надрывается от воя –
Пусть она поет на все лады!
Я люблю дорогой молодую
За собой оставлять следы!

* * *

Тот, кто в лицо, не пугаясь обид,
Тебе об ошибках говорит, –
Не ошибись в нем, не сбейся с пути,
Лучшего друга тебе не найти!

Знай: он тебе помогает везде.
Кто на ошибки укажет, тому
Смело доверься в труде и в беде,
Верь – как ты веришь себе самому.

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Смеется солнце, да и каждый рад –
Ведь появился новый человек...
Но ведь подчас о людях говорят:
Пусть лучше б не родился он вовек!

Нет!

Жить, как солнце! Пусть лучи горят
Огромной жизни – до последних дней!
И будет смерть – как солнечный закат,
И будет жить он в памяти людей!

* * *

Молчи, коль оказал услугу,
Забудь об этом – не беда.
Не пропадет!
...Но помощь друга
Не забывают никогда!

МЕЛКИЙ ДОЖДЬ

Солнце лилось лавой огневою,
Жгучей, иссушающей струей.
Солнце выжигало все живое
На земле, усталой и сухой.

Листья завивались, как каракуль,
Бурые, как шелуха коры...
Мир весь задышался, но не плакал –
Слезы высыхали от жары.

Вся земля потрескалась от зноя,
Воздух был, как противень, горяч.
Жаждою томилось все живое...
В небе же – ни облачка, хоть плачь!

Но к закату, жарким просьбам внемля,
Брызнул мелкий дождик, застучал.
Землю, солнцем выжженную землю,
Животворной влагой пропитал.

Ожили деревья над оврагом,
Листья распрямились, поднялись.
И земля, умыта чистой влагой,
Благодарно посмотрела ввысь.

Юный друг мой! Будь полезен людям,
Как дожди – растениям земным, –
И народ тебя не позабудет,
Верным сыном назовет своим!

* * *

Предо мною луч солнца рассыпан сверкающий...
Я сижу здесь один... шепот моря вдали...
Волны крылья сложили, как орел умирающий,
Отдохнуть, утомленные, прилегли.

Море пенилось несколько дней, разъяренное,
Но сейчас засыпает... Покой и простор...
Мысли, мысли волнуют меня затаенные,
Я с волною и с ветром веду разговор.

О, как схоже с людьми море с ветрами
Скорыми...
Говорят, оно больше, чем сам человек?
Нет! Суда, что идут голубыми просторами, –
Дело рук его, творческой мысли разбег!

Человек на Земле – вот что самое сильное!
Захотел он – и с неба звезду достает!
Но любой человек, снявши жатву обильную,
Отдыхает, как море, устав от забот.

Отдохнул – и опять за работу он примется,
Чтобы дело свое до конца довести.
Так и море – лишь вихрь ураганный подымет,
Разъяренное, хочет весь мир разнести!

Если помыслы моря все буйством венчаются,
То венец человека – в упорном труде.
Нет границы той, где человечность кончается,
И начала морей не отыщешь нигде!

С креста
к смирению звал Христос,
становился
случайный ломтик свинины
яблоком раздора,
источником слез.
Были у родителей
разные боги
с первых
и до последних годов...
А я-то
 кто?
Какой я дороги?
Какой я вере служить готов?
Вот моя вера, товарищ,
 послушай.
Она и в сложном,
 она и в простом:
она –
 это горы, к морю идущие,
она –
 это неба
глубина и простор.
Я обладаю несметным богатством,
сказочной страной владею я.
Родина дружбы и родина братства –
вот моя вера
и гордость моя.

Жизнь моя светлая –
вот моя вера,
и нет этой жизни моей
светлей.

Вера моя – молодости
полная мера
и вечные звезды
Москвы моей.

Молитв я не выстаивал,
не рылся в коране...
Прости меня, мама. К чему это мне?
Для меня существует одно сгоранье
в революционном жарком огне.
Не страшны теперь мне
ни рабство, ни бедность.
Народ мой вокруг –
это вера моя.

Родина,
ты испытай мою преданность
в мирном труде и в грозных
боях.

И если ты,
одобряя труд мой,
руку положишь мне на плечо...
как бы ни пришлось мне в дороге
трудно,
я буду счастлив...
чего мне еще?

**ОН – НАШЕ СЕРДЦЕ, ВОЛЯ,
РАЗУМ, СОВЕСТЬ**

Люблю тебя, Сухуми, и не скрою:
Ты мне столиц прославленных милей!
В Москве, в Тбилиси ты всегда со мною,
Как самый лучший друг среди друзей.

Я уезжаю – смотришь вслед с любовью,
Вернусь домой – встречаешь ты, любя.
Ты мне родной, ты близок мне по крови,
Душа моя открыта для тебя.

Здесь я не гость. Стихам и песням вместе
Мы поверяли думы и мечты.
Но разве был бы я с тобою честен,
Когда б сказал, что безупречен ты?

Зачем кривить? Нет, ты не совершенен,
Пока навстречу ветру и волнам
На пьедестале не шагает Ленин,
Дорогу в даль указывая нам.

Ты без него — неоконченная повесть,
Хоть каждый миг мы думали о нем.
Он — наше сердце, воля, разум, совесть,
Он — воздух тот, которым мы живем.

Теперь мечта сухумцев станет явью:
Ильич в лазури, пролитой вверху,
На пьедестал взойдет, велик и славен,
Плечом коснувшись пика Ерцаху.

Взойдет, чтоб в даль проникнуть ясным
взором,
Чтоб ты, Сухум наш, цвел из года в год.
Недаром площадь, полную простора,
Назвал любовно Ленинской народ.

Ведь эта площадь — сердце городское,
А Ленин — в сердце, в центре наших дел.
Здесь монумент поспорит с высотой,
Как спорить с ней живой Ильич умел!

МОИМ СТИХАМ

Будь зоркою, моя строка,
не смей
уснуть
в груди!
Забывших жизнь у камелька
расшевели
и разбуди!
Прижги болтливым языки,
острее
бритвы
будь!
Творящих зло возьми в штыки
загороди
им
путь!
Потехе место знай и час,
пой,
смейся,
весели!

А тех, кто встанет против нас,
смети
с лица
земли!
Как верный друг, спустись в забой,
шахтеру
силу
дай!
Девчонкам певчей птицей пой,
когда
сбирают
чай!
Встань в шумном цехе у станка,
будь
токарю
резцом!
Будь песней радости, строка,
в отечестве
моем!

БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ

Рано утром
я вышел на Трубную площадь,
и мир
показался таким хорошим...
Почему
в моем голосе нету мощи,
чтоб мог я
крикнуть прохожим:
– Люди!
Идите сюда, ко мне,
ибо должен
вам сообщить я:
этой ночью
произошло в Москве
огромнейшее событие! –
Я считаю, что наша
советская печать
такие события
должна отмечать.

Не спорю с вами,
редакторы газет,
надо извещать о смерти друга,
также выражать соболезнование –
его семье,
даже о пошлых супругах:
мол, такая-то и такой-то –
мало ли их? –
и так далее,
в этом стиле,
наш советский пачкают
коллектив,
вот, пожалуйста,
их фамилии!
Нет, меня не волнует
этот петит.
Я хочу, чтоб печать
о таких событиях писала,
чтоб врагам они
портили аппетит,
а друзья
поднимали бокалы.
Товарищи!
Сегодня радость у нас.
Ей хочу посвятить
эти несколько строф:

в нашем доме
 живет рабочий один,
МГУ строитель,
 Степан Петров.
Характеристика –
 не нужна.
Верно, слышали вы
 про его дела?
Так вот,
 нынче ночью его жена
симпатичную девочку
 родила!

СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда он жил,
 он жизни был достоин,
на трудности
 не сваливал вину.
И штатский человек,
 совсем не воин,
отправился
 солдатом
 на войну.
Он на войне
 остался так же скромн,
неизбалован,
 долготерпелив.
В окопе жил,
 как будто в отчем доме,
отчизну всю
 спиною заслонив.
Хотя метель
 ему впивалась в тело
и стыла кровь,
 когда мороз крепчал,

но выполнял он
 воинское дело,
как родине
 в присяге обещал.
Лишения,
 тяжелое раненье...
Но не сумел зажечь
 фугаса взрыв
в глазах его
 ни искорки сомненья.
Как камень дота,
 был он молчалив.
Не потому,
 что все принять намерен,
не размыкал он
 опалённых губ,
а потому,
 что в наше завтра верил
он всей душой –
 великий жизнелюб!
И потому
 он мог
 терпеть невзгоды
и, глаз не отводя,
 идти в бои,
что сыном был он
 своего народа,

заботливым отцом
 своей семьи.
Не ради славы
 горе он изведal,
а защищая
 труд и мирный кров.
И возвратившийся домой
 с победой
принес он
 больше ран,
 чем орденов.
А рана,
 хоть в бою не знал он страха,
звенеть,
 сверкать,
 как орден,
 не могла.
Рубцы горели
 под его рубахой,
и совесть у него
 чиста была.
Вот лемеха уже
 вонзил он в пашню,
лежалыми пластами шевеля.
И, кажется,
 забылся
 день вчерашний,

Вот так бы
 он и жил,
 не унывая,
наш скромный друг,
 великий жизнелюб.
Но, видно,
 диалектика природы
неумолима.
 И пришел черед
ему уйти
 от солнца,
от работы,
от радостей житейских
 и невзгод,
от тех людей, чьей дорожил он лаской,
кого согрел
 заботою своей, –
простому сыну
 матери абхазской
и честному отцу
 своих детей.
Мы с ним простились
 в солнечное утро,
стояли
 под сплошной
 голубизной,
его
 без орудийного салюта

похоронили мы
 в земле родной.
Покинул он
 весь этот мир знакомый:
и сад,
 и пашню,
 и солдатский путь,
как будто место уступил другому,
как будто бы
 подвинулся чуть-чуть.
Как памятники
 поднимались горы,
его могила скрыла меж камней.
Мы думали о скромности,
 которой
нет ничего ни выше,
 ни сильней.

* * *

Друзья мои,
вам хорошо известны
души моей
желания и песни.
Кто не знаком со мной, твердит:
«Удел его
не видеть дальше
носа своего...
Не человек он.
Так.
Сухое дерево –
ему и дела нет
ни до чего».
Вы знаете меня,
мои товарищи:
ну разве я умею
остывать?
Мне хочется
от счастья быть сгорающим
и это людям
щедро отдавать.

с большого направленья
своего.

Мне нужно, чтобы всем –
благополучие,
чтобы для всех весна –
лишь отвори.

О люди!
Я хочу вам только лучшего,
я так вам верю,
милые мои!

МУРМАНСКИЙ ЦИКЛ

* * *

Мурманск! С детства знаю гул прибора.
Море, где под пеной бирюза...
Я приехал встретиться с тобою,
Заглянуть в рыбацкие глаза.

О тебе узнал за партой в школе,
Находил к тебе по карте путь,
Но, как видно, не судила доля
На тебя хотя бы раз взглянуть.

Говорится в присказке абхазской:
Коль отложишь, значит – на сто дней!
Оттого так долго только сказкой
Оставался ты в груди моей.

Но сегодня сказка стала былью.
Здравствуй, Мурманск! Этим берегам
Земляки мои меня просили
Передать от всей души салам.

Шлют салам абхазские долины,
Склоны гор в прожилках ценных руд,
Гнут в поклоне ветки мандарины,
Новостройки крепко руку жмут.

А еще в горах меня просили,
Чтобы, Мурманск, ты, устав от дел
Почерпнуть у гор и солнца силы
В гости к нам на отпуск прилетел.

Прилетай зимою или летом,
Прилетай, когда у нас весна.
Мы тебя всегда, как друга, встретим
Выпьем вместе доброго вина.

Прилетай! Земля у нас богата,
Море дышит ласковым теплом.
Мы навстречу северному брату
Широко ворота распахнем.

* * *

Стою я на сопке полночной порой.
На Мурманск гляжу
Сквозь наплывы тумана.
Внизу, у залива, как лес строевой,
Как шейки индеек, – подъемные краны.

Там трудятся люди и ночью, и днем,
Склонившись к лебедкам, канатам, штурвалам.
Груженные рыбой – морским серебром, –
Подходят суда вереницей к причалам.

А траулер, сдавший богатый улов,
Уходит, путь млечный стеля за кормою...
И вижу я: город бесменно готов
Работать, не зная минуты покоя.

И в рыбном порту и в торговом – всегда
Картина простая: разгрузка, погрузка.
Но рыбу везут и везут поезда
В столицу Союза, в поселок тунгусский...
Шагает из порта усталый народ,
Закончив работу нелегкую с честью...

Спокойной вам ночи!
Вновь утром вас ждет
Ревнивое море при гулком норд-весте!

* * *

Льет ли дождь, обрушившись на море,
Стужа ль пала на громаду вод,
Пальцы ль коченеют с ветром в споре –
С промысла корабль не уйдет...

Если снег закружит в буре сильной,
Рядом человека не видать.
С палубы сорвешься будь двужилым –
Сгинешь в океане без следа.

Волны бьют с напором напряженным
В стонушие, скользкие борты.
Как с бутылкой, с кораблем тяжелым,
Океан, легко играешь ты.

Стужа здесь повсюду распростерта.
Льды кругом... Идет колючий снег.
В это время даже кошки мертвой
За порог не бросит человек.
Только рыбаки не той породы,
Чтобы ждать покоя и тепла.
Им, бесстрашным, злая непогода
Только злость и силу придала.

И подчас даешься диву, право...
Их сердца бурны, как океан.
Кто их создал? Из какого сплава?
В плен они берут и ураган!

Их закалка что не выносила?!
Это – представляется мне – львы:

Никогда перед враждебной силой
Не склоняют гордой головы!

ОДНАЖДЫ УТРОМ

«Некрасов»
к Тюва губе
причалил.
Он грузится льдом
и пресной водой.
Вдруг
два корабля
его замечают:
один – «Абхазия»
и «Добролюбов» –
другой.
Едва «Добролюбов»
увидел друга,
как вырвался гул
из его
груди.
Это значило: в мире
ни ливень,
ни вьюга
меня не собьют
с твоего пути!..

Был свидетелем я
этой нежной
встречи...
В корабли воплотились
двое
вечно живых,
как о близких товарищах,
положивших мне руки
на плечи,
я думал о них.
Не плелись они тихо
в хвосте у истории,
а шли впереди
всегда.
И теперь
на Баренцовом море
критик с поэтом
в гуще труда.
Тайны полно
и поэзии
дело рыбацье.
Критика и поэзия –
сестры навек.
Если поэты
живут в кораблях –
значит
видит поэзию в них
человек.

Но почему же
 так мало произведений,
 чтоб в рыбацкое сердце вошли?..
В это утро я думал
 о некрасовском
 гении
и о людях,
 что знамя его
 понесли.
Я хотел,
 чтоб среди наших творений,
как РТ «Некрасов»,
 шли впереди
и поэмы,
 и стихотворенья,
зажигая восторг
 в груди;
чтоб «Абхазия»,
 средняя
 в траловом флоте,
стала первой
 в нелегкой морской работе.

* * *

По Мурманску ходил я. Редкой зелени
Мне дорог был и маленький побег...

Ах, этот город – он ужасно северный,
А я – что делать – южный человек.

Чего-то не хватало мне на улицах,
Свернул я в порт, волнение затая,
И вдруг увидел: теплоход швартуется.
«Абхазия»! Далекая моя!

Я сказками себя, друзья, не балую,
И палубы обычен был настил,
Да вот, представьте, лишь вступил на палубу.
Как будто в отчем доме погостил.

* * *

Влюблен я в море, что скрывать,
Без моря тотчас я скучаю.
Оно поет, как пела мать,
Младенца на руках качая.

Когда я слышу ропот волн,
Под солнцем нежусь у прибоя,
Я, словно парус, песен полн
С морской соленою душою.

Хочу кипеть, как в море шквал,
Вздыматься, с ветром вечно споря.

Кто море хоть на миг сковал?
Так будь, поэт, подобен морю!

На скалы косности, поэт,
Волной обрушивайся смело,
Бурли, чтоб в косном беге лет
Твое перо не закоснело.

Коль строки нижутся с трудом,
Ищу у моря я ответа,
И мнится, сердце вижу в нем
Всегда тревожного поэта.

* * *

Белая полночь. И мне не спится.
Белого неба простор литой.
Здесь перепутаны все границы
Между рассветом и темнотой.

Стрелкам часов ни на грош не веря,
Вниз я гляжу сквозь окна стекло:
Двое в обнимку сидят на сквере.
Двое сидят. А вокруг – светло.

Двое влюбленных. И нету дела им
Ни до города, ни до сна.

Город спит, хоть клубится белая
Ночь и белая тишина.

Он не пытается разглядеть их.
Он по-утреннему притих.
И только я, выходит, свидетель
Разъединственный тех двоих.

Белая полночь. И белый город.
Им хорошо одним в тишине...
И опускается, падает штора
На удивленном моем окне.

* * *

Северянке реплику такую
Я шутивно бросил как-то раз:
– Белой ночью, верно, поцелуи
Вовсе прекращаются у вас...

– Белой ночью?...
Странно. Почему?
Что-то вашей шутки не пойму.

– Слишком много белой ночью света.
Не смущает ли влюбленных это?

Рассмеялась весело она.
– Я была бы вряд ли смущена.
Поцелуям солнце не мешает,
Ведь глаза, целуясь, закрывают.

ЛЮБОВЬ

Молва твердит:
 любовь безглаза,
Влюбленный –
 то же, что слепой.
Но наблюдать любовь ни разу
Не приходилось мне такой.
Я утверждаю,
 что слепою
Назвать любовь никак нельзя:
Всегда,
 езде
 ее глаза
Упорно следуют за мною.
Они то остры и колючи,
То тлеют медленно,
 как трут,

То страстным взором так и жгут,
Как жжет огонь сухие сучья.
От этих глаз

не скрыть измены.

Едва родится мысль во мне,
Как в сокровенной глубине
Они прочтут ее

мгновенно.

И если я от милой скрою,
Что был вчера в кино с другою,
В тот самый миг уже она
Об этом осведомлена.

Кто подглядел за мной?
Слепой?

Нет, все известно ей самой!
Любовь всевидяща.

Она

Во всем

всегда,

везде

со мною,

Хранит от злобы,

от вина,

Самодовольства и застоя,

Болезней, горя,

а подчас

И от чужих красивых глаз...

Молва твердит:
 любовь незряча,
Спокон веков ослеплена...
Любовь всевидяща!
 Иначе...
Иначе это не она.

Словно птица, тогда ты запутался в сеть,
Только хмелем пожара в душе не залить.
Надо сердце слепое заставить прозреть,
Надо разумом сердце свое победить.

Счастлив тот, в ком любовь расцвела, как весна,
Я завидую этим счастливым, друзья.
Ну, а если тебе не дается она,
Опускаться нельзя, опускаться нельзя!

Глаза мои лучше ответят, чем разговор любой.
Взглянул я однажды в зеркало,
проснувшись на заре:
Вся голова, как Ерцаху, – в белом серебре!

Две бури живут в моем сердце,
и я не могу их унять.
Две бури живое сердце хотят на части порвать.
Горит-горит мое сердце, замкнутое на замок,
Двумя ключами закрытое,
чтоб я погасить не мог.

И нечему тут удивляться, и не нужны слова,
И вот почему, наверное, бела моя голова.

П О Э М Ы

РОЖДЕНИЕ

Поэма

Вечер. Я пришел с занятий.
В общежитье тьма.
Вижу – на моей кровати
Белый лист письма.
Осветил сквозь занавеску
Отблеск фонарей
Две строки:
«Больна невестка.
Приезжай скорей».
На бегу пальто накинув,
Из дому иду.
На попутную машину
Сел я на ходу.
Полночь над землей абхазской.
Сон кругом и тишь.
Я покинул кузов тряский

У села Тамыш.
Срок рожать моей невестке.
Я ускорил шаг.
Снег в лицо и ветер резкий,
Только свист в ушах.
Скоро год, как на войне
Муж ее Сандро.
Удалось приехать мне –
Что ж, и то добро.
Помню, брат мне дал наказ,
Отправляясь в бой:
– Будь ей другом, Алиас.
Помни, дорогой,
Если в жилах у тебя
Кровь, а не вода,
Не бросай ее в беде,
Помогай всегда. –
Брат не часто письма пишет,
Некогда писать.
Если сын родится,
Гришей
Просит он назвать.
Пишет:
«Брат мой, будь отцом,
Если жизнь мою
Вражеский стрелок свинцом
Оборвет в бою...»

Кончен путь. Дворы и крыши
Снегом замело.
Снег идет. Стал ветер тише.
Я вошел в село.
По снегу иду седому,
След тропинкой лег.
Из окна родного дома
Светит огонек.
От волненья шапка смята.
С лаем на крыльцо
Выбежал Дамуш косматый,
Лижет мне лицо.
С крыши снег слетает редкий
И слепит глаза.
Дверь открыла мне соседка –
Старая Хамза.
– Здравствуй, нан! Приехал, милый?
Не волнуйся, сядь.
Девять месяцев пробило –
Время ей рожать.
Врач у нас. Всю ночь не спал он,
Не сомкнул он глаз.
А невестке лучше стало,
Спит она сейчас.
Нан! А как твое здоровье?
Как твои дела?
К нам недавно от Сандро

Весточка пришла.
Жив! Жалее, что не может
Он семье помочь.
Спрашивает, кто родился –
Мальчик или дочь?

* * *

Утро встает над горами,
И солнечные лучи
На крышах,
В оконной раме,
Как в августе,
Горячи.
День должен быть добрым,
Верю.
Искрятся лучи на снегу.
Стою я у самой двери.
Стою,
А войти не могу.
Что за стеной?
Неизвестно.
С надеждой на дверь гляжу,
Шагаю по комнате тесной
И места не нахожу.
Чтоб, ветер опережая,
Село облетела весть,
Беру я ружье,

Заряжаю,
Дрожу от волненья весь.
Готов я
Жизни величью –
Рожденью
Салютовать.
Готов я исполнить обычай
И в воздух три выстрела дать.
Как на посту,
С оружием
Стою я,
И в этот миг
Взлетел,
Тишину нарушив,
Новорожденного крик.
И слышу, подходят сзади.
Хамза –
Это голос ее.
– Свершилось. С племянником, дядя!
Скорей заряжай ружье! –
Волнуясь, шагаю к порогу,
И взгляд мой вперед устремлен.
Вдруг вижу я,
Через дорогу
К воротам идет почтальон.
В чем дело?
Я в эту минуту

Владеть перестал языком.
А пальцы дрожат почему-то,
Конверт открывая с трудом.
Вот бланк – в типографии набран,
А имя вписало перо.
Читаю я:
«...смертью храбрых...»
Сандро! Мой братишка!
Сандро!
– Эй! Нан!
Что случилось, Алеша? –
Мне машет Хамза у дверей. –
Парнишка родился,
Хороший.
Стреляй же, стреляй поскорей! –
Прочь слезы!
Бумажку скомкав,
Себя пересилив с трудом,
Я крикнул, как надобно,
Громко:
– Будь светлым, наш дом! –
Три выстрела слышит селенье.
Мне плакать сегодня нельзя.
В знак смерти и в честь рожденья
Салют мой трехкратный, друзья!
Пал брат мой в бою,
Но отныне
Он снова живет среди нас.

Ведь жизнь продолжается в сыне,
Родившемся только сейчас.
Сегодня не стану о брате
Вести я с невесткою речь.
Ей боли без этого хватит,
Мне надо ее поберечь.
Письмо я подальше припрячу,
Никто не узнает о нем.
С угрюмым лицом,
Но не плача,
Шагаю я по двору в дом.
А где же племянник мой?
Вот он.
В кого он лицом – не поймешь.
Лежит, в одеяло замотан.
Пожалуй,
На брата похож.
В глазах мальчугана знакомых
Я вижу весенний покой.
Соседи идут мимо дома.
– С племянником, дорогой! –
А в доме полно народу.
На улице тает снег.
И празднует вся природа
Рождение твое,
Человек!

* * *

Время подобно теченью,
Реке.
Известно еще со времен Гераклита:
Волна оставляет след на песке,
Но вот уже новой волной размыт он.
Дней с рожденья ребенка
Прошло немало –
Десять раз в кувшинах вино поспевало,
Десять раз, десять лет подряд
Наливался у нас виноград.
И мальчик
Для жизни и солнца создан,
Ему мигают ласково звезды,
И ветер поет, проносясь с нагорий:
– Живи, Григорий! Расти, Григорий! –
И он растет,
Смуглокож и тонок,
Входит в просторный мир
Паренек.
Для него растет на лугу жеребенок,
Как сказочный конь Араш,
Быстроног.
Во дворе
Ручей «плотиной» запружен.
И разлилась широко вода.
Мальчуган пускает

В океане-луже
Собственной конструкции суда.
А там, впереди, через столько-то лет,
Ждут, быть может, тебя, Григорий,
Рубка
На большом корабле
И настоящее море.
Живи!
И мальчик живет, подрастая.
Над ним кружит голубиная стая,
Над ним, как мачты, качаются сосны,
Над ним шумят, пролетая, весны.
Под ним земля, родная, большая,
Потоки гремят, голоса заглушая.
Под ним ущелья, тропы оленье
И где-то в тумане, в долинах, селенья.
Я вижу – Григорий идет дорогой
С ватагой сверстников босоногой.
Все ниже солнце.
Готовы уроки.
Ребята выходят на луг широкий.
Я вижу – насыпь к запруде тянется,
Дамба теченью наперерез.
Ребята строят «электростанцию»,
Почти такую же, как Сухумгэс.
Речушка мелка, плотина мала,
Но впереди – дороги и сроки,

Где ждут ребят большие дела
И настоящие стройки...
Вижу я школьный двор.
Перед школой
Выстроились ребята.
Развевает ветер веселый
Флаг на шесте крылатый.
Красные галстуки гладит ветер,
Приморский, солоноватый.
Стоят в строю советские дети
Торжественно, как солдаты.
Над их головами,
Со знаменем вровень,
Небо плывет голубое.
И знамя, и галстуки –
Цвета крови,
Погибших на поле боя.
Строй рук загорелых, в салюте поднят,
Взлетел голубиной стаей.
Товарищи!
Мой племянник сегодня
В ряды пионеров вступает.
Я вижу – он идет перед строем,
Идет уверенным шагом
И красному знамени, как перед боем,
На верность дает присягу.
Звучит она, как клятва солдата,

И вторят ей сотни сердец.
Так родине клялся когда-то
Погибший на фронте отец.
Он знамени честь и славу
Не уронил в бою.
И сын занимает по праву
Отцовское место в строю...
Мой брат... Он погиб, сражаясь
За будущее земли,
Чтоб снова взошли урожаи,
Чтоб дети спокойно росли.
На высоте безымянной
Простая могила бойца...
И не один мой племянник
Сегодня растет без отца.
Мой маленький милый Григорий
Идет по дороге земной.
Но ветер подул из-за моря,
И снова запахло войной.
Мне вспомнились
Наши
Когда-то
Разрушенные города.
Я помню...
Я – брат солдата.
Послушайте,
Вы, господа!

В песках мы каналы пророем,
Сады разведем средь степей,
Университеты построим...
Все это для них –
Для детей.
Ведь дети – грядущее наше,
А вы...
Вы грозитесь опять
Весь мир, все живое взорвать.
Но знайте –
Нам гром ваш не страшен.
И будет над нашей страной
Всегда голубым небосвод.
Штыка острие стальное –
Испытанный громоотвод!

1953

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Поэма

1

Нет, не от другого
услышал я
этот рассказ –
И это
не сказка,
услышанная когда-то.
Здесь пережитое,
здесь правда сама
без прикрас,
Которую в сердце
хранил я
сурово и свято.
Снимая замок,
открываю я
сердце-тайник,

Как несгораемую
я открывал бы кассу.
Лет тринадцать назад
свет любви
в это сердце проник,
Но проник не один.
Появилась и ненависть –
сразу.

Шла война –
и два года
во сне на нее я глядел.
Одеяло сорвав,
как в бреду,
с криком я просыпался.
Сердце так грохотало,
словно поезд
с откоса летел, –
И, кренясь тяжело,
вкруг меня
небосвод рассыпался.

Помню,
в сорок втором,
забывая в заботах о сне,
Вновь невестка пекла,
задыхаясь от чада,
чуреки.

Я сидел у огня,
я чувяки латал в тишине
И подбрасывал хворост в огонь,
обжигавший мне веки.
Закопченная лампа,
в которой фитиль догорал,
Чуть мерцала во тьме,
на столе примостившись
у края.
В доме не было соли,
в доме не было мыла, –
я знал, –
Но любой,
даже тот,
у кого кочана не нашлось бы в сарае,
Фронту все отдавал,
если фронт его помощи ждал,
До последней рубахи,
от тела ее отдирая.

2

В Сухуми
к брату
отправлялся я.
Он в госпитале был.
Перед дорогой
Мне все открыла
тетушка моя,

Охваченная грустью
и тревогой.
Не потому,
что темною была,
Она гадала,
добрая гадалка,
А потому,
что матерей села
По-своему
ей, старой,
было жалко.
К ней приходили
женщины в слезах –
И, собственные слезы
утирая,
Она смягчала горе
в их сердцах,
Надеждой
наполняла их
до края.
«Как думать ночью
ты могла о том,
Что не вернется
сын твой
с поля боя?
Вот он идет,
смотри,
прикрыт щитом

Твоей любви,
 спасенный вновь тобою!»
Конечно,
 понимала и она,
Что трудно уцелеть
 в огне и дыме,
Но уверяла,
 что пройдет война
И матери
 опять детей обнимут.
Ибо
 знала всем сердцем,
 что нет
В мире
 силы сильнее,
 чем свет
Терпеливой надежды...
 Пусть щедро
Озаряет она
 бытие...
А старинный
 заклятый
 наш недруг
Пусть попробует
 жить
 без нее!

Думая
 о тетином гаданье,
Весь в пыли,
 без отдыха и сна, —
Шел я,
 задыхаясь,
 на свиданье
С будущим...
 А ночь была черна...
Лишь к утру
 пришел в Тамыш,
 шатаюсь,
Ничего не видя,
 весь в поту.
Солнце,
 из-за гор приподымаясь,
Слабо
 освещало высоту.
Жмут чувяки
из воловьей кожи
Так,
 как будто
 я попал в капкан.
Жмут,
 но я терплю, терплю...
 И все же

Наплывают слезы,
 как туман...
На родную землю
 с небосвода

Сыплется,
 как пламя,
 синева.

Пышет жаром,
 накалясь,
 природа.

В лихорадке
 мечется
 листва.

Потная пехота,
 танки,
 пушки,

Словно
 размотавшийся клубок,

Двигутся
 в густой пыли дорог,

Маскируясь
 на лесных опушках.

Воздух сотрясается.
 С утра

Бомбовозы,
 словно трактора,

Вспахивают
 небо голубое.

Как река Кодор,
 бурля и воя,
К морю
 в дни весенние
 текла.
Так
 в то утро
 с пыльного востока
Армия
 на дымный запад шла.
Не было
 конца ее потоку!
А навстречу
 тоже
 бил поток –
На грузовиках,
 пешком,
 с вещами
Беженцы
 стремились на восток
С запада,
 где бушевало пламя.
Матери
 вели детей,
 а дети
Плакали,
 раздетые,
 в пыли.

Даже сталь,
увидя слезы эти,
Дрогнула б.
Но люди молча шли.

Шли, толкая тачки
перед собою,
Посадив детишек
на узлы.
Длинный путь –
мужчины в пекло боя,
Старики и женщины –
в тылы!

4

Мальчик,
не солдат
и не мужчина, –
Паспорта
еще не получил, –
К вечеру
на той дороге длинной
Из последних
выбился я сил.
Падая,
успел я прислониться

К танку,
отдыхавшему в тени.
И сейчас еще
я помню лица
Воинов,
стоявших у брони,
Запыленных
и суровых с виду,
Но с глазами,
полными огня,
Сразу вставших
на мою защиту
И воды
припасших
для меня. –
Ты куда?.. –
А я в Сухуми
к брату,
Нагрузясь подарками,
спешил.
Грустью
и тревогою объятый,
Яркий прежде,
город темен был.
Там,
где громкий смех
звучал когда-то,

Траурный
 дома надели
 цвет.
Во дворах,
 на улицах –
 солдаты,
Словно
 не военных
 в мире нет.
В городе,
 мне вслед
 глядящем грозно,
Госпиталь ищу...
 Да где же он?..
Вот он,
 на горе,
 где дремлют сосны, –
Кажется,
 я слышу
 слабый стон.
Вдруг
 от моря,
 над домами рея,
Самолет
 пронесся тяжело.
Вслед ему
 метнула батарея

Молнию –
и вспыхнуло крыло.
Так
в тот день
я встретился с войною.

Значит,
вот какая ты, –
война!

Думаешь,
что силою взрывною
Может
запугать
твоя волна?
Думаешь,
что все сметешь на свете?
Пусть я мал
и вовсе не герой,
Ты
за все ответишь мне,
ответишь, –
Только подрасту
и стану в строй...
Госпиталь большой,
а места мало.

Вряд
 бойцы
 под соснами лежат.
Видно, сердце
 путь мне подсказало.
Подхожу
 и сразу вижу –
 брат!
Подхожу,
 а горе,
 к горлу хлынув,
Словно дым,
 глаза заволокло.
Сам себе твержу я:
 – Ты ж мужчина!
Где же твердость? –
 Нету
 как назло!
Брат мой спал –
 и ничего на свете
Не слышал,
 хоть бой гремел вокруг, –
Но мое дыханье,
 словно ветер
Из родимых мест,
 почуял вдруг.

Он открыл глаза –
 и еле-еле
Пальцем поманил к себе.
 И я
Сел у ног его
 на край постели,
Слезы непослушные
 тая.

Женщина
 к нам подошла...
 И, словно
Чуя взгляд,
 я встал...
 Ужель она?
Так и есть –
 вот чудеса! –
 Петровна,
Моего учителя
 жена,
Жившая
 у нас когда-то
 в доме.
Быть не может!
 Может, коль судьба!
Кажется,
 на свете нет знакомей

Этих глаз
 и прядки возле лба.
Брат сказал:
 – Вы балуете слишком
Раненых...
 А это –
 братец мой.
Помните,
 был с ноготок мальчишка...
А теперь мужчина –
 и герой!

5

Три долгих года
 муж Анастасии
Петровны
 был учителем у нас.
Припоминая
 времена былые,
Его лицо
 я вижу и сейчас.
Кровь с молоком,
 веселый и здоровый,
Могучий,
 словно древний Абраскил,
Он, я слышал,
 шутя сгибал подковы,

Да вот...
 туберкулез его свалил!
Он не родился с ним.
 Осколок
 грубо
Порвал на фронте
 легкие бойца –
И с той поры
 Иван Петрович Дубов
Стал
 к худшему меняться
 без конца.
С Анастасией,
 или просто
 с Налей,
Как до войны
 ее все называли,
К учителю
 пришел я
 моему.
Он бедствовал
 в почти пустом дому.
Все, что могла продать
 Анастасия,
Чтоб он не задыхался
 без конца
От злого кашля
 в сумерки глухие,

Когда неслышно
 пот бежал
 с лица, –
Все продала давно
 Анастасия:
Цветные платья,
 пиджаки отца
И даже стулья...

Как у изголовья
 горит и тает
 тонкая свеча,
Так
 незаметно
 таяло здоровье
И уходили силы
 сгоряча...

Был сын у них.
 Худой, как хворостина,
Встречал он
 свой одиннадцатый год.
Как маленький,
 но подлинный мужчина,
Не хныкая,
 хоть гнулся от невзгод.
Такой союз
 надежнее металла,

Земли не ощущая
 под собою,
Не понимая,
 что произошло,
Смотрели люди
 в небо голубое,
Где хищники
 кружились тяжело.
Ища сынишку,
 что ушел за хлебом,
Бежала к морю Дубова.
 В пыли
Бежал за нею я
 под страшным небом.
Пока не потерял ее
 вдали
В кустах разрывов.
 Бледный, словно скатерть.
Я посмотрел
 на памятник седой.
Он устоял,
 хотя глубокий кратер
Еще дымился
 в двух шагах
 бедой.
И снова взрыв.

И дым клубится, тая.
И никого
на набережной нет.
Лишь волны
бьют, как встарь,
не обращая
Внимания
на слишком яркий свет.
В то время,
прибыв из Новороссийска,

Три,
детворой набитых,
корабля
Разгрузки ждали.
Но уж слишком близко
Была от них
сухумская земля —
И, как арбуз,
расколотый ударом,
Один корабль распался...
И два дня
Волна качала
в исступленья яром
Детей,
погибших в море
от огня...

Со мной вернулась
 в отчее селенье
И Дубовых семья.
 Как до войны,
Мы стали жить
 в своем уединенье,
Одной бедою
 объединены.
Нам брат писал:
 «Я жив, здоров
 и еду
Опять на фронт».
 И поцелуй жене.
И мне совет.
 И щедро –
 по привету –
Товарищам,
 соседям
 и родне.
Закон гостеприимства
 не наруша,
Мы с Дубовыми жили
 душа в душу,
Все, что имели,
 пополам деля:
Одна на всех
 была у нас
 земля,

Один и тот же
 воздух гор
 целебный,
Студеная вода
 из родника,
И мамалыги горсть,
 и запах хлебный,
И аромат
 парного молока.

Стал Дубов
 поправляться
 на просторе,
Вновь стала
 песни петь
 его жена, –
А я,
 окончив семилетку,
 вскоре
Работать стал
 в колхозе
 дотемна.
К нам приходили
 женщины
 гурьбою
И, сидя у костра
 до петухов,

То варежки
 вязали
 для бойцов,
То песни пели...
 И всему душою
Была, конечно, Дубова...
 А я,
Чтоб не было
 темно им
 вечерами,
Подбрасывал
 сухие ветки
 в пламя,
Неясную
 тоску мою
 тая.
Охваченные пламенем,
 трещали,
Как пулемет,
 смолистые дрова,
И вновь
 светлее
 становились дали,
И на ветру
 кружилась голова.
При свете,
 то отбрасывало пламя

Как будто жжет
 крапивою она,
Как будто в поле
 посреди метели
Стою один –
 и тропка не видна...
Как смею я
 любить Анастасию,
Коль муж ее –
 учитель лучший мой,
Меня учивший азбуке,
 впервые
Глаза открывший
 на простор земной?
Что скажут люди,
 если я нарушу
Гостеприимства
 дедовский закон –
И в дом друзей,
 свою скрывая душу,
Войду, как вор,
 доверьем облечен?
Нет, я не вор
 и не ханжа проклятый.
Таящий
 подлый замысел
 во мгле.

Поймите, люди,
 пламенем объятый,
Я полюбил
 впервые
 на земле!..

6

Днем – в поле,
 а с вечерней темнотою –
У очага,
 любовь свою тая,

В комок сжимаясь
 за ее спиною,
Мечтал
 о счастье
 быть любимым
 я.

Шутили женщины:
 – Тебе так много ткани
На выбор дали,
 пестрой и цветной,
А ты –
 среди цветов всех
 на поляне
Не смог по нраву
 выбрать ни одной.

Взглянул
на нас бы,
походил бы с нами,
Развлек бы нас –
иль не мужчина ты, –
Чтоб мы
не тосковали вечерами
Одни
среди холодной темноты!–
Так женщины
шутили то и дело,

Шагая с поля
на исходе дня,
Чтоб их тоска
совсем не одолела,
Не придавила,
как джигит –
коня!
Сменялись дни,
как кадры на экране.
Я заболел внезапно –
и меня,
От боли
потерявшего сознание,
В больницу отвезли
среди бела дня.

Когда, очнувшись,
я открыл впервые
Свои глаза
и понял,
что живу, –
Передо мной
моя Анастасия
Сидела,
словно в сказке, наяву.
Я взял ее
пушистые ладони

В свои сухие –
и, в глаза взглянув,
Что были
моря синего бездонней, –
Как утопающий,
пошел ко дну.
Она спросила:
– Мальчик, что с тобою,
Как изменился ты,
как похудел! –
И я,
бледнея
от любви и боли,
В глаза ее
открыто поглядел:

– Я так
 люблю тебя,
 Анастасия, –
А ты?
 Я понимаю, что плохой, –
Но погоди...
 иль, сколько ни проси я, –
Уходишь ты?..
 – Я здесь, мой дорогой, –
Сказала
 и укрыла одеялом.
И долго,
 удивительно светла,
Сидела рядом,
 как с ребенком малым.
Потом со мной простилась
 и ушла.
Ушла,
 чтоб никогда не возвратиться,
Навек
 мое покинув бытие.
Я звал ее,
 чтоб, прилетев, как птица,
В руках
 перо оставила свое.
Когда
 домой пришел я
 из больницы,

Я не застал
у нас
семьи ее.

7

Я письма слал,
одной томимый думой
Мне отвечали:
«Выбыл адресат».

Не выдержав,
примчался я
в Сухуми.
Нашел тот дом,
где я гостил,
и сад.

И не нашел
моей Анастасии.
– Дней пять назад, –
сказал грузин-сосед,

Она
в свою
уехала Россию... –
...Терялся где-то
в синем море
след.

Казалось мне,
 что никого на свете
Я больше
 не сумею полюбить
Что, –
 если б даже
 лучшую я встретил, –
Таким, как прежде,
 не смогу я быть
А дни летели,
 как всегда, летели.

Не приходил
 ни сон,
 ни аппетит.
В конце четвертой,
 кажется,
 недели
Сказали мне,
 что старший брат –
 убит!

А я
 писал ему,
 что сын родился,
Что он теперь отец,
 мой, старший брат.
Опять я опоздал.
 Вновь возвратился

Конверт обратно.
 «Выбыл адресат».
О, как я ненавижу
 опоздания,
Когда с отметкой:
 «Выбыл адресат». –
Большие
 отменяются свиданья
И письма
 возвращаются назад!
Прошло тринадцать лет –
 и на бульваре
Я встретил ту,
 которую любил.
Как дерево,
 в которое ударил
Внезапный ток,
 на месте я застыл.
Вспять время потекло –
 и, все сминая,
Вспоминанья
 хлынули волной,
Пока стоял я,
 словно столб,
 не зная,
Где нахожусь
 и что стряслось со мной.

Все стало
 странно темным
 в ярком свете,
Как будто с вышки
 я летел ко дну,
Когда увидел я
 на парапете
Анастасию Дубову,
 одну.
Я с дочкой подошел к ней.
Сели рядом.
Она,
 не узнавая,
 на меня
Спокойно-чуждым
 посмотрела взглядом –
И вдруг
 качнулся мир
 среди бела дня.
Как будто продолжалась
 та тревога.
Те бомбы падали
 в тот год сорок второй.
Вновь танки шли.
 Пылилась вновь дорога.
И жили мы
 в селенье под горой.

Люблю ее.

Она, узнав об этом,
Молчит.

Молчу и я.
И босиком
Куда-то убегаю
жарким летом –
То за лекарством,
то за молоком,

Чтоб Дубов встал.

Он был ей очень нужен.
Она его любила.
Для нее
Стараюсь я,
чтоб жить всегда ей с мужем,
Забыв
про увлечение мое.
Я различаю
в моря мягком шуме
Спокойный голос...
Сын?
Он тоже тут,
Как и она,
на отдыхе
в Сухуми, –

Строительный
 он кончил институт.
Я слушаю...
 Но почему ни слова
Не говорит
 про Дубова
 она?

Он жив, здоров.
 Но не приедет снова.
С ним молодая,
 новая жена.
На дочь мою
 глядит с тоской во взоре
Анастасия,
 песнь моя,
 любовь...

Спокойно
 отдыхающее море.
Приходят волны
 и уходят вновь...
И дочь моя зовет:
 – Пойдем на катер! –
И вновь бросает
 камушки
 в волну.

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА

*(Отрывок из поэмы «Печальная любовь»)**

Анастасия Петровна, –
 что обо мне она думала?!
Сидела она у постели
 мужа,
 учителя Дубова.
Кровью в платок он кашлял,
 плакал, стыдился слез.
Не говорилось в доме
 слово «туберкулез».
«Настя, оставь меня!
 Сына возьми.
 Уезжай.
Самое страшное –
 жалость.
 Я знаю –
 тебе меня жаль...»

* Существует два перевода (А. Ойслендера и Евг. Евтушенко) данной поэмы.

«Что ты, Вася, ну что ты...
Видишь –
Алеша приехал.
Он у тебя учился...
Много привез приветов...»
«Алеша?
Ласуриа?
Помню...
Здравствуй.
Садись-ка, брат...
Я захворал маленько.
Чего говорить –
виноват...»
Три года он был педагогом
в тихом абхазском селенье.
Смуглых детей абхазских
вел по школьным ступеням,
Смеялся, высокий, могучий,
звонко рубил дрова...
Но пулей задетое легкое
болезнь впустило в себя.
Тогда, спокойно и мужественно,
сама-то еле жива,
навстречу идущей смерти
встала его жена.
Сколько забот ей выпало,
сколько пришлось ей мучаться...

Что бы ни говорили,
 супружество –
 это мужество.
Стоял я в галдящей очереди
 под дождиком, сонно капавшим
приходил к Дубовым,
 продукты им взяв по карточкам.
Чинил сапоги Дубова
 при помощи старого штопора,
а рядом она сидела,
 пела
 и что-то штопала.
Разные были песни –
 чаще всего грустные,
Пели глаза ее серые,
 руки
 и волосы русые.
О чем бы она ни пела,
 казалось мне –
 про свое...
Я полюбил эти песни,
 похожие на нее.
Я убегал на улицу
 слушать последние сводки –
какие будут известия
 из-под Москвы и с Волги.

Потом просиживал в садике
на влажной скамье до утра...
По удивленному небу
шарили прожектора.
Где-то разрывы ухали,
а может быть, шла гроза...
Перед моими глазами
плыли ее глаза...
Сидел я всю ночь,
смотрел на них,
ждал и боялся огня...
Анастасия Петровна,
простите за это меня.

Содержание

Здравствуй, Абхазия! <i>Перевод М. Соболя</i>	9
Тост. <i>Перевод Г. Куренева</i>	13
Дочь гор. <i>Перевод Г. Абрамова</i>	15
Под Москвой. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	19
Чем хорош мой край. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	21
Стихи о дочке. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	23
Парад мира. <i>Перевод Я. Козловского</i>	36
К любимой. <i>Перевод В. Тушиновой</i>	38
Поэт и читатель. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	40
Первомайское путешествие. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	44
К сестре. <i>Перевод В. Авдеева</i>	51
Эвкалипт. <i>Перевод Вл. Соколова</i>	54
О самом необходимом. <i>Перевод М. Павловой</i>	58
Новогодний стол. <i>Перевод М. Павловой</i>	65
Я люблю Апсны. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	70
Открыт Новый свет Хр. Колумбом. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	73
Дума о Ленине. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	76
Мельник. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	80
Я радуюсь всем радостям народа... <i>Перевод А. Кронгауза</i>	83
Сердце друга. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	84
Апхиарца. <i>Перевод Г. Абрамова</i>	88
Я родился в горах абхазских... <i>Перевод А. Ревича</i>	90
Люблю, когда солнце... <i>Перевод А. Ромова</i>	92
Я весной охвачен... <i>Перевод А. Ромова</i>	93
Если снег идет сплошной лавиной... <i>Перевод А. Ромова</i>	95
Тот, кто в лицо, не пугаясь обид... <i>Перевод А. Ромова</i>	97

Рождение человека. <i>Перевод А. Ромова</i>	98
Молчи, коль оказал услугу... <i>Перевод А. Ромова</i>	99
Мелкий дождь. <i>Перевод А. Ромова</i>	100
Предо мною луч солнца рассыпан... <i>Перевод А. Ромова</i>	102
Моя вера. <i>Перевод Б. Окуджавы</i>	104
Он – наше сердце, воля, разум... <i>Перевод Д. Седых</i>	107
Моим стихам. <i>Перевод Д. Седых</i>	109
Большое событие. <i>Перевод М. Павловой</i>	111
Скромный человек. <i>Перевод А. Кронгауз</i>	114
Друзья мои... <i>Перевод Б. Окуджавы</i>	120

Мурманский цикл

Мурманск! С детства знаю гул... <i>Перевод Д. Седых</i>	123
Стою я на сопке полночной порой... <i>Перевод В. Стерина</i>	124
Льет ли дождь, обрушившись ... <i>Перевод В. Стерина</i>	125
Однажды утром. <i>Перевод В. Стерина</i>	127
По Мурманску ходил я... <i>Перевод Б. Окуджавы</i>	129
Влюблен я в море, что скрывать... <i>Перевод Д. Седых</i>	130
Белая полночь. И мне не спится... <i>Перевод Б. Окуджавы</i>	131
Северянке реплику такую... <i>Перевод Д. Седых</i>	132
Любовь. <i>Перевод Д. Седых</i>	134
О любви. <i>Перевод Д. Седых</i>	136
Отчего бела моя голова... <i>Перевод Б. Окуджавы</i>	137
Рождение. <i>Поэма. Перевод А. Ревича</i>	143
Первая любовь. <i>Поэма. Перевод А. Ойслендер</i>	155
Анастасия Петровна. <i>Отрывок из поэмы «Печальная любовь».</i> <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	192

Алексей Едгеевич Ласуриа

Жить, как солнце!..

*Стихи и поэмы
Перевод с абхазского*

Алықьса Едгъы-ипа Лашәриа

Мратцас!..

*Ажәинраалақәеи апоемақәеи
Урыс бызшәала*

Редактор *В. Зантариа*
Корректор *С. Цвинария*
Верстка *С. Дбар*

Формат 70x108 ¹/₁₆. Тираж 300.
Усл. печ. л. 12,5.
Заказ №

